

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XXXVI.

ВОИНСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ И ИГРЫ ЧЕРКЕСОВЪ *).

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межь Горцевъ, плѣнникъ наблюдавъ
Ихъ вѣру, нравы, воспипанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Госпепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесь проворной,
Широкой снѣпью, по горамъ,
Въ космашой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лугъ склонясь, на спремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красою

*) Изъ новой и прекрасной Поэмы А. С. Пушкина: *Кавказскій Плѣнникъ*. Смолр. ниже извѣстіе о сей книгѣ.

Одежды бранной и проспой.
 Черкесь оружіемъ обвѣщенъ;
 Онъ имъ гордишся, имъ утѣшенъ:
 На немъ броня, пищаль, колчанъ,
 Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
 И шашка *), вѣчная подруга
 Его шрудовъ, его досуга.
 Ничто его не шягошипъ,
 Ничто не брякнепъ: пѣшій, конный—
 Все шопъ же онъ; все шопъ же видъ
 Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза безпечныхъ Козаковъ,
 Его богашство—конь решивый,
 Пишомецъ горскихъ шабуновъ,
 Товарищъ вѣрный, шерифливый.
 Въ пещерѣ, иль правѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ шаишся,
 И вдругъ, внезапною спрѣлой,
 Завидя пушника, спремишся;
 Въ одно мгновенье вѣрный бой
 Рѣшипъ ударъ его могучій,
 И спранника въ ущелья горъ
 Уже влечешъ арканъ лешучій.
 Стремишся конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной опваги;
 Все пушь ему: болошо, боръ,
 Кусшы, ушесы и овраги;

*) Черкесская сабля.

Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжишь,
 Въ пущыиѣ попошь раздается;
 Съдый пошокъ предъ нимъ шумишь—
 Онъ въ глубь кипящую несется;
 И пущникъ, брошенный ко дну,
 Глошаетъ мутную волну,
 Изнемогая смерти просишь
 И зришь ее передъ собой...
 Но мощный конь его—спрѣлой
 На берегъ пѣнисный выносишь.

Иль ухвативъ рогатый пѣнь,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежишь безлунной ночи пѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые,
 На вѣшви вѣшаешь кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щипъ, бурку, панцырь и шеломъ,
 Колчанъ и лукъ—и въ быспры волны
 За нимъ бросаешься попомъ
 Неупомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ;
 Могучій шокъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копья, Козаки
 Глядяшь на шемный бѣгъ рѣки—
 И мимо ихъ, во мгль чернѣя,
 Плынешъ оружіе злодѣя....

О чемъ ты думаешь, Козакъ?
 Воспоминаешь прежни биввы,
 На смершномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молишвы
 И родину? ... Коварный сонъ!
 Проспише, вольныя спаницы,
 И домъ ошцовъ, и пихій Донь,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ шайный врагъ,
 Спрѣла выходишь изъ колчана—
 Взвилась—и падаешь Козакъ
 Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною сѣмьей
 Черкесь въ опеческомъ жилищѣ
 Сидишь ненаспною порой
 И плѣюшь угли въ пепедищѣ;
 И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдешь пришлецъ успалый
 И робко сядешь у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣпомъ, ласково вспаешь,
 И гощю въ чашѣ благовоной
 Чихирь *) опрадный подаешь.
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ **) дымной,

*) Красное Грузинское вино.

**) Хижина.

Въушаетъ пупниѣхъ мирный сонъ,
И упромъ оспавляетъ онъ
Ночлега кровь госпепрімной.

Бывало въ свѣпный Баиранъ *)
Сберупся юноши полпою;
Игра смѣняетъ игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылашыми сшрѣлами
Пронзаюшъ въ облакахъ орловъ;
То съ высошы крушыхъ холмовъ
Нешерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падушъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылю покрываюшъ
И съ дружнымъ шопомъ бѣгушъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны;
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Не рѣдко шашки грозно блещушъ
Въ безумной рѣзвоспи пироеъ,
И въ прахъ лешяшъ главы рабовъ,
И жены робкія шрешешушъ.

*) Баиранъ, или Байрамъ, праздникъ розговѣнья.